

МАРИЯ ВОЛКОНСКАЯ

П.Е. ЩЕГОЛЕВА

«ПАРΘΕНОН»
Санктпетербурі
1922

**Настоящее издание отпечатано в
15-ой Государственной типографии
(бывш. Голике и Вильборг)
под наблюдением В. И. Анисимова
Марка Издательства и рисунок обложки
работы художника Н. А. Тырсы**

МАРИЯ
ВОЛКОНСКАЯ

П.Е. ЩЕГОЛЕВА

«ПАРΘΕΝΟΝ»
Санктпетербург
1922

арья Николаевна Волконская вышла из замечательной семьи Раевских. Отец ее — известный генерал двенадцатого года, Николай Николаевич Раевский; это он в битве под Дашковой в 1812 году, желая остановить отступление русского отряда, вывел вперед своих двух малолетних сыновей. В десятых и двадцатых годах Раевский пользовался необыкновенной популярностью. У всех на устах были стихи Жуковского в «Певце во стане русских воинов»:

Раевский, слава наших дней,
Хвала перед рядами,
Он первый — грудь против мечей
С отважными сынами.

Его характеристику тот же Жуковский дает в следующих стихах «Бородинской годовщины»:

Неподкупный, неизменный,
Хладный вожьд в грозе военной,
Жаркий сам подчас боед,
В дни спокойные мудрец...

Раевский перешел в потомство с обычными эпитетами военного героя: храбрый, энергичный, твердой воли, стойкий, благородный, великодушный. Пушкин оставил его характеристику, не как героя, а как человека: «Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душою, снисходительного, попечительного

друга, всегда милого и ласкового хозяина. Свидетель екатериненского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его достойные качества». В своей семье Раевский пользовался беззаветной любовью и преклонением жены и детей и бесконечным авторитетом. За эпитетами героя — сильная воля и решимость — скрывался крутой нрав, упорство, граничившее с упрямством, и некоторый семейный деспотизм. С этой стороны Раевского ярко характеризует эпизод, рассказанный Волконской в «Записках». Первого ребенка ей пришлось родить в семье отца, в деревне, без повивальной бабки. «Отец настаивал, чтобы я сидела в кресле; мать, как более опытная в этих делах, приказывала, чтобы я легла в постель во избежание простуды, и вот они спорят, а я мучусь, наконец, воля мужчины, как всегда, взяла верх; меня посадили в большое кресло, где я перенесла жестокие муки без всякой медицинской помощи». Нам необходимо было сказать эти несколько слов о Раевском, чтобы понять, что значило спорить с ним, и оценить значение борьбы, которую вынесла Марья Николаевна перед отправлением в Сибирь. Раевские — отец и дочь — оправдывают Шопенгауэровскую теорию наследственности: отец передал дочери сильную волю. Мать Марьи Николаевны — Софья Алексеевна, урожденная Константинова, приходилась внучкой Ломоносову. О ней мы ничего не знаем, очевидно по той причине, что она не играла в семье первой роли, совсем скрытая личностью мужа. Марья Николаевна родилась в 1805 году ¹⁾. У нас

---

¹⁾ Год рождения М. Н. не поддается точному определению. Б. Л. Модзалевский, расследовавший генеалогию Раев-

---

нет сведений об ее детстве. Впоследствии, во мраке ссылки, детство рисовалось ей полным безмятежного счастья. Семья Раевского была одною из просвещеннейших русских семей своего времени. Все дети — два брата и четыре сестры — получили тщательное воспитание и образование. Старший брат, Александр Николаевич — прототип пушкинского «Демона».

Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи.
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Он Провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою,
Он вдохновенье презирал...

Младший сын Раевского, Николай Николаевич, любил изящную литературу, и был ее большим ценителем. Пушкин с интересом прислушивался к его мнениям. Ему он посвятил «Кавказского Пленника» и хотел посвятить «Бахчисарайский Фонтан». «Едва ли не через Н. Н. Раевского и сестер Пушкин впервые познакомился с Байроном. Есть положительные свидетельства, что под их руководством Пушкин на-

---

ских, в своей книге «Род Раевских герба Лебедь» (СПБ. 1908, стран. 73) дает указание: «род. 25 декабря 1805 (?)», а в «Архиве Раевских» (СПБ. 1908, т. I, стран. 43) сообщает иные сведения: «род. 1-го апреля 1807». Сын М. Н., кн. М. С. Волконский, категорически утверждает, в предисловии к запискам матери, что она скончалась 10 августа 1863 года, 56 лет от роду. Следовательно, по этому указанию, М. Н. родилась в 1807 г. Сама М. Н. В. в своих записках пишет, что, прибыв в Казань накануне Нового — 1827 — года, она предалась мечтам. «Это ребячество было простительно в моем возрасте: мне только что минул 21 год». По ее словам выходит, она родилась в 1805 году, и сообщенная Б. Л. Модзалевским под вопросом первая дата «25 декабря 1805 года» кажется более достоверной. Но М. Ф. Орлов в одном из писем к жене говорит о 1 апреля, как дне рождения М. Н. :

чал учиться английскому языку, а в августе 1820 года, когда он плыл с Раевским на корабле «из Азии в Европу», уже была написана, под живым впечатлением только что прочитанного «Чайльд-Гарольда», элегия:

Погасло дневное светило...—

первое стихотворение в той полосе творчества, когда он платил дань байронизму» ¹⁾. Еще из поры детства Марья Николаевна вынесла любовь и интерес к литературе, которые остались в ней на всю жизнь. Сын ее вспоминает, что в Сибири она интересовалась больше всего историческими науками и литературой, и в ее руках никогда не бывало пустой книги. Принадлежа к семье, стоявшей на уровне современной интеллигенции, находившейся в отношениях — родственных, близких и дружеских — с представителями прогрессивного течения русской жизни, Марья Николаевна имела возможность видеть и слышать самых интересных и самых умных людей, каких только могла выставить тогдашняя Россия. А она сама отличалась необычайной привлекательностью. Декабрист А. Е. Розен набросал ее портрет в следующих строках: «М. Н. Волконская, молодая, стройная, более высокого, чем среднего роста, брюнетка с горящими глазами, с гордою, но плавною походкой, получила у нас прозвание: «la fille du Gange», девы Ганга; она никогда не выказывала грусти, была любезна с товарищами мужа, но горда и взыскательна с комендантом и начальником острога». В этом портрете тонко подмечена связь физического лица с духовным. «Горящие глаза» — неукротимая энергия и жажда жизни; гордость и взыскательность с каторжным

---

¹⁾ Л. Н. Майков. Пушкин. СПб. 1899, стран. 140, 141.

начальством можно оценить, лишь вспомнив, что фактически Марья Николаевна была в прямой и полной от него зависимости. Характерно название «Дочь Ганга»; известная Зинаида Александровна Волконская, в доме которой провожали в Сибирь Марью Николаевну, в лирическом отрывке тоже называет ее дочерью Ганга: «O, toi qui te vins te reposer dans ma demeure! Toi que je n'ai connue que pendant trois jours et que j'ai nommée mon amie! La reflet de ton image est resté dans mon âme. Mes yeux te voient encore: ta haute taille se déploie devant moi comme une grande pensée et tes mouvements gracieux me semblent former la mélodie que les anciens prêtaient aux étoiles du ciel. Tu as les yeux, la chevelure et le teint d'une fille du Gange, et la vie, comme la sienne, porte le sceau du devoir et du sacrifice»... «У тебя глаза, волосы и цвет лица — девушки Ганга, и твоя жизнь, подобно жизни этой девушки, носит печать долга и жертвы» ¹⁾. Зинаида Волконская углубила внешнее сходство наружности во внутреннее соответствие.

К сожалению, мы можем восстановить историю юности Марьи Николаевны в самых общих очертаниях. Подробностей мы не знаем.

2

На заре юности Марья Николаевна Раевская встретила Пушкина. Это было в 1820 году. «Приехав в Екатеринослав, — писал 24-го сентября 1820 года Пушкин брату, — я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку по моему обыкновению. Генерал Раевский, который ехал на

---

¹⁾ Oeuvres choisies de la princesse Zeneide Volkonsky, p. 253.

Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня в жидовской корчме, в бреду, без лекаря, за кружкою оледенелого лимонада. Сын его (ты знаешь тесную связь и важные услуги, для меня вечно незабвенные), сын его предложил мне путешествие по кавказским водам». Так вошел Пушкин в семью Раевских; ко всем членам этой семьи он, по выражению Волконской, питал чувство глубокой преданности. С Кавказа Раевские и Пушкин отправились в Крым. В Юрзуфе их ждали остальные члены семьи. «В Юрзуфе, — пишет Пушкин, — прожил я три недели. Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского... Старший сын его будет более, нежели известен. Все его дочери — прелесть; старшая — женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющие воображение горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского».

Творчество этого периода жизни Пушкина свидетельствует о его увлечении, нежном и страстном, но безответном, безнадежном. Биографы и издатели сочинений Пушкина давно уже склонны относить это увлечение к одной из дочерей Раевского. Но теперь с полной достоверностью мы можем говорить, что предметом любви Пушкина, любви «отверженной и вечной», была, именно, Мария Николаевна ¹⁾.

В 1828 году, когда Мария Николаевна проживала в Чите у острога, где сидел ее муж, бывший князь

---

¹⁾ Это положение развито и обосновано в моем исследовании «Утаенная любовь Пушкина» в книге «Пушкин. Очерки. Спб. 1912». Отсылая за подробностями к этой статье, здесь я ограничиваюсь лишь немногими цитатами.

Волконский, Пушкин написал «Полтаву» и посвятил поэму Марии Николаевне. «Посвящение» трогательно:

Тебе... Но голос Музы темной
Коснется ль слуха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как утаенная любовь,
Перед тобою без привета
Пройдет непризнанное вновь?..
Но если ты узнала звуки
Души приверженной тебе,
О, думай, что во дни разлуки
В моей изменчивой судьбе
Твоя печальная пустыня,
Твой образ, звук твоих речей —
Одно сокровище, святыня
Для сумрачной души моей...

До самого последнего времени было неизвестно, к кому относится это «Посвящение», и только обращение к черновой рукописи и открытие здесь варианта «Сибири хладная пустыня» (вместо имеющегося в печати «Твоя печальная пустыня») дало определенный ответ на вопрос.

Чувство Пушкина имело значительное влияние. Об этом можно судить уже по внешним признакам: по хронологическим рамкам для этого чувства (1820 — 1823 — 1828) и по обилию художественных произведений, им вызванных или хранящих его отражение. Ведь, помимо небольших лирических произведений и незаконченных набросков, две поэмы: «Кавказский Пленник», писавшийся в то время, когда Пушкин был поглощен этим чувством, и «Бахчисарайский Фонтан» в их психологической части основаны исключительно именно на этом любовном опыте; «Цыганы» и «Онегин» заключают не мало отголосков и отражений этой сердечной истории.

Дух и творчество Пушкина питались этим чувством несколько лет. Остается открытым вопрос, был ли вхож Пушкин в семью Раевских еще в Петербурге и не познакомился ли он с Марией Раевской еще до своей высылки. Когда генерал Н. Н. Раевский подобрал Пушкина больного, в Екатеринославе, с ним из 4 его дочерей в это время ехали Мария и София, а Екатерина и Елена оставались еще в Петербурге с матерью и выехали позже, прямо в Крым. Чувство Пушкина могло зародиться еще на Кавказе во время совместного путешествия, облегчающего возможность сближения. Вся семья Раевских соединилась в Гурзуфе в двадцатых числах августа 1820 года. Здесь Пушкин провел «счастливейшие минуты своей жизни». Его пребывание в Гурзуфе продолжалось «три недели» и здесь расцвело и захватило его душу чувство к М. Н. Раевской, тщательно укрываемое. Мы знаем, что с отъездом Пушкина из Крыма не прекратились его встречи с семьей Раевского, и, следовательно, Марию Николаевну Пушкин мог встречать и во время своих частых посещений Каменки, Киева, Одессы, и во время наездов Раевских в Кишинев к Екатерине Николаевне, жившей тут со своим мужем Орловым. Но чувство Пушкина не встретило ответа в душе Марии Николаевны, и любовь поэта осталась неразделенной. Рассказ кн. Волконской в «Записках» о встречах с Пушкиным хранит отголосок действительно бывших отношений, и надо думать, что для Марии Раевской, не выделявшей привязанности к ней Пушкина из среды его рядовых, известных, конечно, ей увлечений, остались скрытыми и глубина чувства поэта, и его возвышенность. А поэт, который даже в своих черновых тетрадях был крайне робок и застенчив и не осмеливался написать ее имя, и в жизни непривычно стеснялся, и по всей вероятности, таи́лся

и не выказывал своих чувств. В 1828 году, вспоминая в Посвящении к «Полтаве» прошлое, поэт признавался, что его «утаенная любовь не была признана и прошла без привета». Этих слов слишком недостаточно, чтобы определить конкретную действительность, о которой они говорят. В августе 1823 года (в начале одесского периода своей жизни) в письме к брату Пушкин поминал об этой любви, как о прошлом, но это было прошлое свежее и недавнее, а воспоминания были остры и болезненны. В это время он только что закончил или заканчивал свою поэму о Фонтане, и ее окончание в душевной жизни поэта вело за собой и некоторое освобождение из-под тягостной власти неразделенного чувства. Надо думать, что к этому времени он окончательно убедился, что взаимность чувства в этой его любовной истории не станет его уделом. Зная страстность природы Пушкина, можно догадываться, что ему не легко далось такое убеждение. Тайная грусть слышна в часто звучащих теперь и иногда насмешливых припевах его поэзии — обращениях к самому себе: полно воспевать надменных, не стоящих этого; довольно платить дань безумствам и т. д. А уже в октябре, заканчивая (22 октября) 1-ую главу «Онегина», поэт писал:

Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя во-след,
А муки сердца успокоил,
Поймал и славу между тем;
Но я, любя, был глуп и нем.
Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум;

Пишу, и сердце не тоскует;
Перо, забывшись, не рисует
Близь неоконченных стихов
Ни женских ножек, ни голов;
Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я все грущу, но слез уж нет
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет...

Но своей высоты примирительное настроение поэта достигает в «Цыганах». Любовь поэта была не признана, отвергнута. Почему случилось так, где законы этого своеволия чувства? Ответ на этот вопрос дан в «Цыганах». Освобожденная от уз закона стихийность чувства признана в речах старого цыгана.

Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись!..

.....
Вольнее птицы младость.
Кто в силах удержать любовь?

Пред стихийностью чувства, которое не могло отвечать ему, должен был преклониться и поэт. Но сознание необходимости погасить свое чувство, сознание, вызванное горькой уверенностью в безнадежности его, не связывалось у Пушкина с потемнением любимого образа. И в июне 1824 года, когда Пушкину пришлось коснуться своего чувства в письме к Бестужеву «мнением этой женщины он дорожил более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики».

Но неразделенная любовь бывает подобна степным цветам и долго хранит аромат чувства. Сладкая мучительность замирает и сменяется тихими и светлыми воспоминаниями: идеализация образа становится устойчивой, а невозмущенная реализмом чистота общения содействует возникновению мистического отношения к прошлому. Исключительные обстоятельства — великие духовные страдания и героическое решение идти

в Сибирь за любимым человеком — с новой силой привлекли внимание поэта к этой женщине, едва ли не самой замечательной из всех, что появились в России в ту пору, и образ ее не только не потускнел, но и заблестал с новой силой и в новом блеске...

Встреча в 1820 году с Пушкиным — красивое введение в сложную и глубокую жизнь, какая выпала на долю М. Н. Раевской.

Нам известно еще одно увлечение, которое не нашло отклика в сердце Марии Николаевны.

Когда Раевские в конце 2-го и начале 3-го десятилетия XIX века жили в Киеве, предводителем дворянства в Киевской губернии был граф Густав Олизар, и в это время он завязал с Раевскими знакомство, продолжавшееся очень долго ¹⁾. О близости знакомства свидетельствует, например, и тот факт, что когда Раевские в 1821 году отправились в гости в Кишинев к Орловым, с ними был и Олизар. В начале знакомства Олизара с Раевскими Мария Николаевна представлялась ему «мало интересным смуглым подростком». На его глазах Мария Раевская из ребенка с неразвитыми формами превратилась в «стройную красавицу, смуглый цвет лица которой находил оправдание в черных кудрях густых волос и пронизывающих, полных огня очах». Олизар увлекся Марией Раевской и был сильно и долго в нее влюблен. Но любовь осталась «отверженной». В 1823 году он сделал ей предложение и получил отказ. В письме отца М. Н., приведенном в «Воспоминаниях» Олизара, мотивом отказа было выставлено различие религии и народности. Олизар был убит отказом; он уединился с своей сердечной

---

¹⁾ Pamiętniki (1798 — 1865) Gustawa Olizara z predm. I. Leszczyca, Lwow. 1892, стр. 174. Эти воспоминания изложены и отчасти переведены А. Ф. Копыловым в «Русск. Вестн.» в статье «Мемуары графа Олизара», 1893, авг. и сентябрь.

грустью в купленное им в Крыму поместье, которое он окрестил греческим именем «Карди Ятрикон» (лекарство сердца). Здесь он тосковал и писал сонеты о своей безнадежной любви. О его безнадежной и отвергнутой любви упоминает Мицкевич в одном из своих крымских стихотворений. Он сохранил светлую память о Марии Раевской. «Нельзя не сознаться, пишет он в записках, что если во мне пробудились высшие, благородные, оживленные сердечным чувством стремления, то ими во многом я был обязан любви, внушенной мне Марией Раевской. Она была для меня той Беатриче, которой было посвящено поэтическое настроение, и, благодаря Марии и моему к ней влечению, я приобрел участие к себе первого русского поэта и приязнь нашего знаменитого Адама. По всей вероятности, через Раевских Олизар вошел в знакомство с Пушкиным; об его участливом отношении к своей сердечной истории он вспоминал, когда писал свои «Воспоминания». В одной из черновых тетрадей сохранился исчерканный набросок послания Пушкина к нему. Пушкин касается в нем и горького сердцу Олизара отказа, полученного им от Раевских, и дает нечто в роде его истолкования. «Русская дева», по словам Пушкина,

Привлекши сердце поляка,
Не примет гордою душою
Любовь народного врага ¹⁾.

В конце 1824 года в круг жизни Марии Николаевны вошел князь Сергей Григорьевич Волконский, генерал-

---

¹⁾ Отказ Олизару был сделан не столько «русской девой» М. Н. Раевской, сколько ее отцом. А в какой мере самое М. Н. характеризовали националистические — вплоть до враждебной к иностранцам окраски — чувства, положительно неизвестно.

майор и бригадный командир, по летам годившийся в отцы Раевской. 18 октября 1824 года С. Г. Волконский писал Пушкину: «Имея опыты вашей ко мне дружбы и уверен будучи, что всякое доброе о мне известие будет вам приятным, уведомляю вас о помолвке моей с Марией Николаевной Раевской. Не буду вам говорить о моем счастье». Волконский был давно влюблен в нее, но только в конце 1824 года он решил через Михаила Федоровича Орлова просить ее руки. В это время Волконский был одним из энергичнейших и искреннейших членов тайного общества; политические убеждения и долг перед обществом были для него на первом плане. Поручая Орлову ходатайствовать за себя, он положительно высказал, что если известное Орлову участие в тайном обществе будет помехой в получении руки М. Н. Раевской, то он предпочтет отказаться от личного счастья, нежели изменить политическим убеждениям и долгу. Волконский уехал на Кавказ и здесь ждал ответа от Орлова, рассчитывая в случае неудачи поступить в кавказскую армию и искать отвлечения в боевой жизни. Орлов известил его, что он может сделать формальное предложение. Предложение было принято по настоянию отца Марьи Николаевны Раевской; она выходила замуж не по своей воле, не по личной страсти. В «Записках» Волконская по понятным причинам не говорит об этом; в «Записках», написанных в пятидесятых годах, остались лишь слабые отзвуки: «я вышла замуж в 1825 году за князя С. Г. Волконского, достойнейшего и благороднейшего из людей; мои родители думали, что обеспечили мне блестящую, по мнению света, будущность. Мне было грустно с ними расставаться: словно сквозь подвенечный вуаль, мне смутно виднелась ожидавшая нас судьба».

Можно думать, что между Марьей Николаевной и Волконским не было духовной близости: она не имела

понятия о существовании тайного общества, а он был весь поглощен заговорщической деятельностью до того, что во время свадьбы принимал участие в совещании русских и польских депутатов от тайных организаций. Не могли сблизиться они и в первый год брачной жизни. В этот год М. Н. провела со своим мужем всего три месяца. После свадьбы она заболела и переехала в Одессу. К концу осени С. Г. Волконский приехал за женой в Одессу и отвез в Умань, где стояла его дивизия. Но и в Умани жена редко видела мужа: подходили последние дни общества, уже окруженного атмосферой подозрения, и Волконский проводил время в раз'ездах из Умани в Тульчин и обратно.

Краткими и сжатыми штрихами описывает Волконская последний месяц первого года своей брачной жизни. «В конце декабря Волконский вернулся среди ночи и тотчас же разбудил меня: «вставай скорей»; я вскочила, дрожа от страха. Я была в последнем периоде беременности, и это внезапное возвращение среди ночи напугало меня. Он растопил камин и стал жечь какие-то бумаги. Я ему помогала, как умела, спрашивая, что все это значит. — «Пестель арестован». — «Почему?» — Нет ответа. Вся эта таинственность меня беспокоила. Я видела, что он был печален, чем-то сильно озабочен. Наконец, он мне об'явил, что обещал моему отцу отвести меня к нему в деревню на время родов, — и вот мы отправились в имение отца, где он меня сдал на попечение моей матери и немедленно уехал; тотчас по возвращении он был арестован и отправлен в Петербург. Так прошел первый год нашего супружества; он еще не кончился, а Сергей уже сидел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости»¹⁾.

---

¹⁾ В «Записках С. Г. Волконского» (1-е изд., стр. 446) этот эпизод передается несколько иначе. 2 или 3 января родился

Грозно отразился на семье Раевских конец 1825 года. Были взяты под арест и привлечены к следствию по делу декабристов, кроме князя Волконского, еще братья Раевские, Александр и Николай, М. Ф. Орлов, муж Екатерины Николаевны Раевской, В. Л. Давыдов, брат по матери Н. Н. Раевского старшего. Только братья Раевские ушли от суда и наказания, их решительная непричастность была скоро выяснена, и в середине января они были уже свободны; им был вручен «очистительный» аттестат об их невинности, дана Высочайшая аудиенция, а в газетах был опубликован всемилостивейший рескрипт на имя их отца. Но дела М. Ф. Орлова в следственной комиссии складывались неважно и уж совсем отчаянны были дела князя Волконского.

Александр Раевский, который после освобождения остался в Петербурге, письмом от 21 января 1826 года просил отца приехать в Петербург и лично хлопотать за своих зятьев. «Что до Волконского, — писал А. Н., — то его дело гораздо хуже. Его Величество сказал мне, что он даже не достоин того участия, которое ты, вероятно, оказываешь ему, и велел мне предупредить тебя об этом... Ты можешь своими просьбами много облегчить участь Волконского, а, следовательно, и Маши». Старик Раевский явился в Петербург, но для Волконского ничего сделать не мог. «Волконскому, — писал он дочери Екатерине в Москву сейчас по при-

у Волконской сын Николай. Отец в это время был в Умани; 5 января он без официального разрешения прибыл в деревню Раевского, «обрадовал жену и ее семейство, взглянул на новорожденного младенца, а 7 января уехал и был арестован в Умани».

езде, в конце января, — будет весьма худо, он делает глупости, запирается, когда все известно. Что будет с Машенькой, неизвестно. Он срамится». В феврале Раевский был уже на обратном пути в свою Болтышку, но он остановился еще у Екатерины Орловой. В Петербурге остался следить за делом Александр Раевский. 18-го февраля он писал сестре Екатерине: «Что касается Волконского, то нет такого ужаса, в котором он не был бы замешан; к тому же он держит себя дурно — то высокомерно, то униженнее, чем следует. Его все презирают, каждую минуту в нем открывают ложь и глупости, в которых он принужден сознаваться. Бедная Маша!» М. Ф. Орлов 1-го апреля писал жене: «Нынче день рождения бедной Маши. Что я могу прибавить к этому, кроме того, что в страхе за нее я повторяю эту короткую молитву: Умилосердись, Господи, над участью Машеньки! Один Бог может дать ей довольно душевной силы, чтобы стать выше своей участи».

Но что делалось с бедной Машей в это время — в начале тяжелого 1826-го года? В этот год разыгралась трагедия жизни М. Н. Волконской. На основании всего того, что мы знаем о ее жизни до 1826 года, мы рисуем ее увлекательной женщиной, богато одаренной, с огромной жаждой жизни, но все же пассивной. Она не самостоятельна ни в семье отца, ни в своей. Внутренние сокровенные силы ее души не раскрывались; активность ее «я», сущность ее души еще не проявлялась. Теперь пришло время.

Роды были тяжелые; за ними началось воспаление мозга, которое приковало ее к постели на два месяца. В моменты сознания она спрашивала о муже; ей отвечали, что он в Молдавии, по секретному служебному поручению. Она верила словам, но не долго; ночная сцена перед арестом не могла не придти в голову.

Наконец, она потребовала, чтобы ей сказали всю правду. Получила в ответ, что Сергей арестован и находится в Петербурге. Как раз в это время в С.-Петербурге был и отец ее, а дома в деревне оставалась одна мать. Лишь только услышала Волконская «правду», сейчас же заявила матери, что она едет в Петербург. Проснулась энергия, решительность стала непреклонной. Что же ей было делать? Кто мог помочь ей, подсказать ей как поступить? Член дружной и тесной семьи, она оказалась совершенно одинокой. Родные — и братья, и отец — предугадывали, что предстоит С. Г. Волконскому, и повинувшись чувству семейного эгоизма, хотели бы заставить М. Н. Волконскую совсем забыть о муже.

Весной, в апреле месяце, в распутицу Волконская отправилась в Петербург; по дороге завезла ребенка к тетке отца, графине Браницкой; ехала день и ночь, очень больная и слабая приехала в столицу, прямо к матери Волконского, княгине Александре Николаевне, обер-гофмейстерине высочайшего двора. Вслед за Марией Николаевной приехала и ее мать. 6-го апреля А. Н. Раевский сообщал Е. Н. Орловой: «Мама приехала сегодня утром, Маша здесь со вчерашнего вечера. Ее здоровье лучше, чем я смел надеяться, но она страшно исхудала, и ее нервы сильно расстроены. Бедная, она все еще надеется. Я буду отнимать у нее надежды только с величайшей постепенностью: в ее положении необходима крайняя осторожность». Старик Раевский, возвратившийся в Болтышку и не нашедший здесь дочери, писал ей 14 апреля: «Неизвестность, в которой о тебе, милый друг мой Машенька, я нахожусь, мне весьма тягостна. Я знал все, что ожидает тебя в Петербурге. Трудно, и при крепком здоровье, переносить таковые огорчения. Отдай себя на волю Богию! Он один может устроить судьбу твою. Не

забывай, мой друг, в твоём огорчении милого сына твоего, не забывай отца и мать, братьев, сестер, кои все тебя так любят. Повинуйся судьбе; советов и утешений я никаких более тебе сообщить не могу»...

4

Князь Сергей Волконский в это время сидел в тесном полутемном и сыром каземате крепости, проходил через нравственные пытки допросов и был в полной неизвестности о жене и ребенке, о матери, братьях и сестре. Наконец, он получил способ вступить в сношения с волей. За деньги ему удалось прислать своей горячо любимой сестре Софье Григорьевне маленькую записочку в полтора квадратных вершка, на которой уписалось не более, не менее — около 1¹/₂ печатных страницы. С чувством робости и неуверенности сообщает он сестре: «Уже некоторые из жен просили и получили разрешение следовать за своими мужьями к месту их назначения, о котором они будут предуведомлены. Выпадет ли мне это счастье, и неужели моя обожаемая жена откажет мне в этом утешении? Я не сомневаюсь в том, что она с своим добрым сердцем всем мне пожертвует, но я опасюсь посторонних влияний, и ее отдалили от всех вас, чтобы сильнее на нее действовать. Если жена приедет ко мне на свидание, то я бы желал, чтобы она приехала без своего брата, иначе ее тотчас же уведут от меня. Врач был бы при этом нужнее. Получу ли я от своей жены утешение, в котором другие уже уверены? Я понимаю, какой долг лежит на ней по отношению к сыну, и, конечно, я не решился бы разлучить ее навсегда с этим несчастным

ребенком»¹⁾. Какое нравственное утомление чувствуется за этими строчками, нанизанными, как бисер, на маленьком листочке! Мы знаем, что духовной, интимной близости не было ни между женихом и невестой, ни между мужем и женой. Вспомним ту тревожную ночь, когда Волконский жег свои бумаги. «Пестель арестован»,—вырвалось у него. «За что?»—спросила жена. Ответа нет. Она была ему так далека, так чужда ему, что он не поделился с ней своими опасениями, переживаниями. Грустно звучит объяснение, которое дает М. Н. Волконская его скрытности. «Он был старше меня лет на двадцать и потому не мог мне довериться в таком важном деле». Но справедливо ли это?

Уединение, вольное или невольное, заставляет человека заглянуть в себя, в свою душу. И Волконский много пережил и много передумал в крепости. Не читаете ли в мелких строках его письма, что он понял все горе духовного отчуждения? Он как будто сознает, что у него нет права желать подвига от жены, а он так хочет этого подвига, он уже не может обойтись без нравственной поддержки близкого человека, и боится громко, открыто заявить о своем желании. Мы читаем только вопросы: выпадет ли мне это счастье? получу ли я от своей жены утешение?

А она? что она переживала в это время? В Петербурге она, конечно, узнала подробности события, цели и задачи тайного общества. Она узнала, наконец, что поглощало весь досуг и все внимание мужа. Мы не знаем ее взглядов на тайные общества, но нет сомнения, что и среда, ее окружавшая, и даже семья привили ей в общем оппозиционное настроение. Катастрофа могла только повысить его и сделать орга-

---

¹⁾ Записки С. Г. Волконского, 1-е изд., стр. 453.

ническим. Но ее поразили идеализм движения; в своих «Записках» она не раз подчеркивает, что участники его не преследовали личных выгод; наоборот, они шли к верной гибели. «Действительно,—пишет Волконская,—если даже смотреть на убеждения декабристов, как на безумие и политический бред, все же справедливость требует признать, что тот, кто жертвует жизнью за свои убеждения, не может не заслуживать уважения соотечественников. Кто кладет голову свою на плаху за свои «убеждения», тот истинно любит отечество». Быть может, эта особенность движения — полнейшее бескорыстие — повлияла и на ее окончательное решение. Как она теперь стала смотреть на мужа? Видала ли она в нем лишь несчастного, страдающего человека, или героя, окруженного ореолом, сознающего свое право требовать жертв от других? Но М. Н. Волконская принадлежит к тем лицам, которые признают, что право на их душу принадлежит только им и никому больше. Поэтому и за мужем своим она не могла признать этого права. Эту особенность ее решения необходимо отметить.

М. Н. Волконская просила свидания с мужем. «Государь, который пользовался всяким случаем, чтобы проявить свое великодушие (в делах незначительных), и которому было известно слабое состояние моего здоровья, приказал, чтобы меня сопровождал врач, боясь для меня всякого сильного волнения» (многозначительный курсив самой Волконской!). Марья Николаевна Раевская приехала в крепость с графом Алексеем Орловым. Пошли к коменданту; привели под стражей Волконского. Свидание при посторонних. «Мы ободряли друг друга, но делали это без всякого убеждения. Я не решилась его расспрашивать; все взоры были обращены на нас; мы обменялись платками. Вернувшись домой, я по-

---

спешила посмотреть, что там было, но нашла лишь несколько слов утешения, которые были написаны на одном углу платка и которые я с трудом могла разобрать».

В том психологическом процессе, который закончился отъездом в Сибирь, свидание, кажется, единственное, сыграло большую роль. В этих тюремных свиданиях, мимолетных и поневоле (при посторонних) холодных, особая острота переживаний. Исчезают перегородки, и близкий, остающийся на воле, как-то особенно чутко и остро-любовно старается пережить то, что происходит в душе находящегося за решетками. Мысли приковываются к тесной тюремной камере, к одному лицу. Когда видятся между собой люди, доселе не близкие, то нередко между женщиной и женщиной возникает процесс интимного сближения, даже влюбленности, надломленной и больной... И Волконская переживала аналогичный процесс. В это время она понимала участие к себе, лишь поскольку оно касалось ее мужа. Императрица пожелала видеть Волконскую. В «Записках» сохранились следующие красноречивые по своей лаконичности строки: «я думала, что императрица хочет со мной говорить о моем муже, так как в подобных тяжелых обстоятельствах я понимала участие к себе, лишь в том случае, если оно имело отношение к моему мужу. Ничего подобного: со мной разговаривали о моем здоровье, о здоровье отца, о погоде»...

5

Кажется, уже в этот момент сердце продиктовало Марье Николаевне решение, но воплотить его можно было только после тягостнейшей борьбы, после стой изумительной борьбы, где слабой женщине — полу-

---

ребенку был противопоставлен целый заговор мужской хитрости и настойчивости, и где, в конце концов, воля сердца все-же одержала верх». Руководителем заговора был Александр Раевский, остальные члены семьи Раевских исполняли только его указания. Главная цель заговора — не допустить Марью Николаевну, следовать за мужем на каторгу. Для достижения этой цели, во-первых, надо было изолировать Марью Николаевну от общения со всеми, кто мог бы влиять на нее в нежелательном для Раевских смысле, — с семьей Волконских, с женами декабристов, и во-вторых, надо было держать ее в совершенном неведении о ходе дела затем, чтобы она узнала приговор мужа как можно позже. Княгиня Волконская в своих записках делает только деликатный намек: «брат Александр и отец буквально провели меня». О том, как тягостно усложнило ее жизнь семейное вмешательство, мы узнали только в самое последнее время, когда нам стала известной семейная переписка Раевских ¹⁾.

После свидания с мужем Волконская нетерпеливо желала познакомиться с сестрой мужа, Софьей Григорьевной, которую Сергей Григорьевич бесконечно любил. Она в это время сопровождала тело императрицы Елизаветы Алексеевны. Брат Марьи Николаевны постарался устранить встречу сестры с Софьей Григорьевной. Он убедил ее ехать посмотреть на ребенка и сказал, что с сестрой мужа она встретится в дороге. Понятно, эта встреча не состоялась. Лето

---

¹⁾ Эпизод семейного воздействия на княгиню М. Н. Волконскую рассказан в книге М. О. Гершензона «История молодой России» М. 1908 (статья «М. Ф. Орлов») на основании семейных писем, сохранившихся у потомков М. Ф. Орлова. Все цитируемые нами письма Раевских взяты из этой статьи.

1826 года Волконская провела в Александрии, имени Браницких. Брат Александр был на страже. Он скрывал от сестры всякие известия о ходе дела; он вскрывал письма на ее имя. В письмах к сестре Екатерине Орловой он подробно рассказывал об отпращивании обязанностей тюремщика при сестре. 1-го июня он пишет: «Пиши для меня одного... Впрочем я вскрываю все письма, адресованные Маше, потому что письма тетушки иной раз так зажигательны, что я не могу отдавать их ей». 9 июня он сообщает сестре Елене, жившей у Орловых: «Скажи Кате, чтобы она не писала Маше ничего, относящегося до приговора и суда; она забывает, что если бы только Маша подозревала близость суда, то не было бы возможности удержать ее здесь. Необходимо, чтобы она узнала все как можно позже. Последние дни она очень грустна!». Неделью спустя он снова пишет: «Маша с каждым днем грустнее. Она сердится на меня за то, что я не говорю с нею о деле ее мужа, и жалуется на это Соне...» 22 июня А. Н. Раевский пишет отцу: «в своих письмах ко мне ты пишешь о приговоре, о категориях и пр., и Катя тоже, поэтому я не могу показывать ваших писем Маше. Пожалуйста, пишите ей отдельно, не говоря ничего, а мне — со всеми возможными подробностями»... Наконец, 12 июля был объявлен приговор; А. Н. Раевский не сообщил о нем сестре, он ждал приведения его в исполнение, т. е. отправления Волконского в Сибирь. А пока в письмах к сестре он занялся разработкой плана жизни Марии Николаевны в ближайшую зиму. «Что касается ее самой,—писал он 31 июля Екатерине Орловой,—то когда она узнает о своем несчастии, у нее, конечно, не будет никаких желаний. Она сделает и должна сделать лишь то, что посоветует ей отец и я».

Но Александр Раевский глубоко ошибся. Когда он, наконец, сообщил сестре приговор, она сейчас же заявила ему, что последует за мужем в Сибирь. Он, кажется, не поверил и приказал ей не двигаться с места, пока он не вернется из Одессы. Но на другой же день после его отъезда княгиня с ребенком выехала в Петербург. Она заехала в Яготин Полтавской губернии к брату мужа князю Репнину. Она застала его больным, и только спустя некоторое время он с своей женой и Марьей Николаевной отправился в Петербург. Итак, она ушла от опеки брата, но в Петербурге ждал ее отец. 23 октября он писал дочери Орловой: «Я жду Машеньку с сыном вместе с княгиней Репниной всякую минуту. Буду ее удерживать от влияния эгоизма Волконских». А 5 ноября он писал: «Вчера съехала дочь моя Машенька. Ее Репнина обманом склонила отправиться сюда, будто старая Волконская едет к сыну; но я все это привел в порядок». Но напрасно Н. Н. Раевский думал, что в решении М. Н. играли роль какие-либо увещания со стороны Волконских: из ее записок мы знаем, что родные мужа совсем не оказали ей теплого приема.

Предстояло самое главное и самое трудное. Самое главное — получить разрешение государя следовать за мужем в Сибирь. В это время уже ходили слухи, что отъезжающие лишены права взять с собой своих детей и возвратиться в Россию до смерти своих мужей. Волконская обратилась к государю с письмом и получила следующий ответ: «Я получил, княгиня, ваше письмо от 15 числа сего месяца; я прочел в нем с удовольствием выражение ваших чувств ко мне за то участие, которое я в вас принимал; но во имя этого участия к вам я и считаю себя обязанным еще раз повторить здесь предостережения, которые

я вам уже высказывал, относительно того, что вас ожидает, лишь только вы проедете за Иркутск. Впрочем, предоставляю вполне вашему усмотрению, сударыня, избрать тот образ действий, который вы найдете наиболее подходящим в вашем настоящем положении. Преданный вам Николай. 1826 г., 21 декабря».

Дальше мы остановимся на том, что ожидало Волконскую за Иркутском. Император Николай Павлович решительно не желал, чтобы жены декабристов следовали за мужьями. Основным мотивом было присущее императору представление, что само сочувствие к лицам, исходившее хотя бы от их жен, является выражением преступного сочувствия к совершенному ими. Два раза Николай Павлович хотел отклонить Волконскую от принятого ею намерения: один раз догнал ее фельд'егерь на склонах Урала, и другой раз убеждал иркутский губернатор.

Но самое трудное — расстаться с семьей. Семейному эгоизму суждено было понести тяжелое поражение. Предоставим слово самой Волконской: «Теперь я должна рассказать вам сцену, которую я буду помнить до последнего вздоха. Мой отец был все это время мрачен и неприступен. Однако мне нужно же было ему сказать, что мы должны расстаться и что я назначаю его опекуном своего бедного малютки, которого мне не позволили взять с собою. Я показала ему письмо сего величества; тогда мой бедный отец, не владея более собой, поднял кулаки над моей головой и вскричал: «Я тебя прокляну, если ты через год не вернешься». Я ничего не ответила, бросилась на кушетку и спрятала лицо в подушку. Мой отец, этот герой 1812 года, обладавший твердым и возвышенным характером, — этот патриот, который при Дашкове, видя, что войска его дрогнули, схватил

двоих своих подростков-сыновей и бросился с ними в огонь неприятеля, был нежно-любящим семьянином; он не мог вынести мысли о моем изгнании, мой отъезд представлялся ему чем-то чудовищным».

Н. Н. Раевский-старший 3 декабря 1826 года писал сыну из Москвы: «Машенька по первому пути едет в Иркутск, — я не смел отказать ей в этом, она здорова, надеюсь, что через год мы ее увидим». Князь Петр Михайлович Волконский спросил княгиню Волконскую перед ее отъездом в Сибирь: «Уверены ли вы в том, что вернетесь?» — «Я совсем этого и не желаю, — ответила она, — а если и вернусь, то не иначе, как с Сергеем, но, ради Бога, не говорите этого моему отцу». Когда Волконская говорила это, она, очевидно, думала, что возврат в Россию будет все же в ее власти, и не хотела верить угрозе — «поедешь в Сибирь, не возвратишься». Этой угрозе не верил первое время и отец ее Н. Н. Раевский, но он уже в начале 1827 года знал, что, если бы и была возможность возврата в Россию, его дочь все равно не вернулась бы. Но в то же время он и не улавливал истинных мотивов поступка дочери: то он продолжал думать, что она настроена «волконскими бабами», то начинал верить, что она поехала «от любви к мужу» ¹⁾.

Сохранились два трогательнейших письма Н. Н. Раевского к дочери Е. Н. Орловой; в этих человеческих документах нашло себе выражение неразрываемое соединение отцовской любви и отцовской муки за дочь. «Ты не совсем справедливо судишь, мой друг Катенька, — пишет он 20 марта 1827 года. — И ты также подвержена экзальтации, но энтузиазм в некоторых случаях до некоторой степени, есть дар

---

¹⁾ Архив Раевских. Том I, стр. 304.

Божий, переступая же черту, обращается в сумасшествие.

«Еслиб я знал в Петербурге, что Машенька едет к мужу безвозвратно и едет от любви к мужу, я бы и сам согласился отпустить ее навсегда, погresti ее живую; я бы ее оплакал кровавыми слезами, и не менее отпустил бы ее. Еслиб ты была в ее несчастном положении, я б сделал то же.

«Возвратясь из Петербурга, я узнал от брата твоего и сестер, что М. им говорила, что муж бывает ей несносен. Муж и отец, погубив жену, как погубил Волконский, теряет все свои права на сердце жены своей; священные и светские законы уничтожают справедливо брак. Но если из-за этого сердце жены влечет ее к мужу, как я полагал М., тогда никто не должен препятствовать ей в исполнении ее желаний. Я то и сделал, но полагал не без причины после, что она знала, что она едет навсегда, и что она меня обманывала. — Письмо ее, вчера полученное, доказывает мне противное, — но не менее она не чувству своему последовала, поехав к мужу, а влиянию волконских баб, которые похвалами ее геройству уверили ее, что она героиня, — и она поехала, как дурочка. Нельзя мне не негодовать на нее: она должна иметь более доверенности ко мне и к моему рассудку, чем к скверным В — м; мне и спокойствие, и слава ее должны быть драгоценны. Еслиб я мог надеяться, что ее заблуждение не исчезнет, тогдаб я не жалел о ее поступке; но это не в существе вещей, а между тем она единородного своего сына оставила без слезинки!

«Мой друг! сердце отца не может сохранить долго огорчения своего на детей своих, и источник онаго доказывает привязанность мою к ней. Я не показал ей ни капли онаго и никому не дал подозревать его, кроме тебя. Адресуясь с оным к тебе, я выбрал того,

---

кто не будет возбуждать его. Мой друг, если бы ты знала, что мне стоит Машенька здоровья, ты б извинила мою чувствительность.

«Письмо ее от 29-го января, писанное из Иркутска, принесло немалое утешение. Или она не знает, что ей не позволено будет возвратиться, или сие запрещение существует только для удержания жен несчастных от поездки в Сибирь. Милосердный Государь наш не будет наказывать несчастных и невинных жертв своей любви к мужьям за оную, и, конечно, чрез некоторое время им позволено будет возвратиться. Дай Бог мне дожить до этого! Я тебе говорю, мой друг, что письмо ее уладило мою горесть, и в самую нужную для сего минуту, ибо за час до получения оногo я писал к Машеньке, и писал в первый еще раз по ее отъезде».

Во втором письме от 17 апреля того же года Раевский писал:

«Неужто ты думаешь, мой друг Катенька, что в нашей семье нужно защищать Машеньку, Машеньку, которая, по моему мнению, поступила хотя неосновательно, потому что не по одному своему движению, а по постороннему влиянию действует, но не менее она в несчастии, какого в мире жесточе найти мудрено, мудрено и выдумать даже. Неужто ты думаешь, что могут сердца наши закрыться для нее? Но полно и говорить об этом. В письмах своих она все оправдывает свой поступок, что доказывает, что она не совсем уверена в добротe оногo. Я сказал тебе, мой друг, один раз: ехать по любви к мужу в несчастии — почтенно. Не будем возвращаться к этому предмету. Дай Бог, чтобы наша несчастная Машенька осталась в этом заблуждении, ибо опомниться было бы для нее еще большим несчастьем».

Мария Николаевна не вернулась ни через год, ни позже. Борьба за пребывание в Сибири не прекра-

---

тилась и продолжалась в письмах, за которые после смерти отца Волконская упрекала себя... Но когда Николай Николаевич Раевский умирал в 1829 году в своем киевском имении, окруженный семьей, он вспомнил о Марье Николаевне и, указывая на ее портрет, сказал своему сыну: «Voilà la plus admirable femme que j'aie connue». Несправедливость семейного эгоизма была признана.

6

Оставалось пройти через «надрывы» прощаний. С отцом—молча; благословил и отвернулся. С ребенком—у люльки на коленях. Он долго играл красным сургучем печати того письма, которым разрешалась поездка в Сибирь... В Москве—долгий, мучительный вечер прощания у Зинаиды Волконской... Зинаида Волконская собрала почти всю московскую интеллигенцию, пригласила итальянских певцов и несколько талантливых девиц московского общества. Был и Пушкин... В бумагах Веневитинова сохранилось прекрасное описание этого вечера 26 декабря 1826 года, которое мы позволим себе привести целиком: оно прекрасно рисует «надрыв» Волконской.

«Вчера провел я вечер, незабвенный для меня. Я видел во второй раз и еще более узнал несчастную княгиню Марию Волконскую, коей муж сослан в Сибирь и которая 6-го января сама отправляется в путь, вслед за ним, вместе с Муравьевой. Она хороша собой, но глаза ее чрезвычайно много выражают. Третьего дня ей минуло двадцать лет; но так рано обреченная жертва кручины, эта интересная и вместе могучая женщина—больше своего несчастья. Она его преодолела, выплакала; источник слез уже иссох в ней. Она уже уверилась в своей судьбе и,

---

решившись всегда носить ужасное бремя горести на сердце, повидимому, успокоилась. В ней угадываешь, чувствуешь ее несчастье, ибо она даже перестала и бороться с ним. Она хранит его в себе, как залог грядущего. Помнит, что она мать, и решилась спасти дочь свою, жертвуя сама собою. Прискорбно на нее смотреть и вместе завидно. Есть блаженство и в самом несчастье! Она видит в себе божество, ангела-хранителя и утешителя двух существ, для которых она теперь уже одна осталась, и все в мире! Для них она, как Христос для людей, обрела себя на жертву — славная жертва! Утешительная мысль для меня! Она теперь будет жить в мире, созданном ею собою. В вдохновении своем она сама избрала свою судьбу и без страха глядит в будущее.

«Она чрезвычайно любит музыку. Музыка одна только и может согласоваться с ее чувствами в теперешнем ее положении. Когда в час роковой все надежды наши утрачены; когда коварная судьба поймала нас в ужасные свои ковы, и прошедшее, и настоящее блаженство одним ударом пресечены; когда воспоминание о нем становится источником слез об его утрате, ибо легче сносить несчастья от рождения, нежели в лета зрелые; когда мы уже постигаем свою участь, вполне сознаем ее и самих себя, быть лишенным земного рая и с верху блаженства быть ввергнутому в бездну гибели, когда все светлые, радужные картины стерты для нас в будущем и взор наш угадывает в нем одну только мрачную, безпредельную, однообразную пустыню, — тогда может ли наш ум заниматься изъяснением себя понятия, может ли фантазия представлять определенные образы? Одно глубокое чувство меланхолии овладевает всем нашим существом. Оно неизъяснимо, оно таится от всех и тайно для нас самих, но мы не хотим, чтобы оно

в нас спало. Мы стараемся удерживать его, находим некоторые утешения в том, чтобы его возбуждать. Это в природе нашей. И что же согласнее музыки может раздаваться в душе нашей, тогда как все струны нашего сердца растроганы сим чувством и сливаются в один вечный звук печали?

«Она, в продолжение целого вечера, все слушала, как пели, и когда один отрывок был отпет, то она просила другого. До двенадцати часов ночи она не входила в гостиную, потому что у К. З. (княгини Зинаиды Александровны Волконской) много было гостей, но сидела в другой комнате за дверью, куда к ней беспрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывок из «Agnes» del Maestro Paëg был пресечен в самом том месте, где несчастная дочь умоляет еще несчастнейшего родителя о прощении своем. Невольное сближение злосчастия Агнесы или отца ее с настоящим положением невидимо присутствующей родственницы своей отняло голос и силу у К. З., а бедная сестра ее по сердцу принуждена была выйти, ибо залилась слезами и не хотела, чтобы это заметили в другой комнате: ибо в таком случае все бы ее окружили, а она страшится, чуждается света, и это понятно. Остаток вечера был печален. Легкомысленным, без сомнения, показался он скучным, как ни старались прерывать глубокое, мрачное молчание некоторыми шутивными дуэтами. Но человек с чувством, который хоть изредка уже привык обращаться на самого себя и относить к себе все, что его ни окружает, необходимо должен был думать, много думать. Я желал в то время, чтобы все добрые стали счастливыми, а собственное впечатление сего вечера старался увековечить в себе самом. Но подобные движения души и без того не пропадут. Когда все раз'ехались, и оста-

---

лось только очень мало самых близких и вхожих к К. З., она вошла сперва в гостиную, села в угол, все слушала музыку, которая для нее не переставала, восхищалась ею, потом робко приблизилась к клави-кордам, смела уже глядеть на тех, которые возле них стояли, села на диван, говорила тихим голосом очень мало, изредка улыбалась; иногда облако воспомина-ний и ожиданий затмевало ее глаза, но она обеими руками закрывала тогда свое лицо и старалась по-бедить свое чувство. Она всех просила ей спеть что-нибудь, простодушно уверяя, что память этого участия, которое принимают в ее положении, облегчит ес трудный путь в Сибирь. И до меня очередь дошла. Я петь не умею, но отказать ей не смел и кое-как про-ворчал ей дуэт из «Дон-Жуана». Одному петь у меня тогда бы голоса не достало. Она меня благодарила, как и всех; видно, что это не из приличия, потому, что она не тратила много слов, но каждое слово было похоже на нее самое, согласовалось с выражением ее лица. Для нее велела К. З. изготовить ужин: ибо ста-новилось уже поздно, и приметно было, что она устала, хотя она сама в этом не сознавалась. Во время ужина она не плакала, не рыдала, но старалась нас всех раз-влечь от себя, говоря вообще очень мало, но говоря о предметах посторонних. Когда встали из-за стола, она тотчас пошла в свою комнату. И мы уехали уже после 2-х часов. Я возвратился домой с душою полною, и никогда, мне кажется, не забуду этого вечера.

«В этой женщине изредка и невольно вырываются слова, означающие досаду. Говорили о концерте, дан-ном в пользу Семенова (крепостного скрипача), для освобождения его, и сказали, что зачинщики сего благодеяния претерпели некоторого рода неприят-ности за то. Она тотчас с жаром заметила: «On a trouvé que c'était trop libéral».

А князь Вяземский писал А. И. Тургеневу 6 января 1827 г.: «На днях видели мы здесь проезжающих далее Муравьеву-Чернышеву и Волконскую-Раевскую. Что за трогательное и возвышенное обречение. Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории. В них, точно, была видна не экзальтация фанатизма, а какая-то чистая, безмятежная покорность мученичества, которое не думает о Славе, а увлекается, поглощается одним чувством тихим, но всеобъемлющим, всеодолевающим. Тут ничего нет для Галереи: да и где у нас Галерея? Где публичная оценка деяний?»

7

27 декабря 1826 года М. Н. Волконская выехала из Москвы. Через двадцать дней она была в Иркутске. Здесь ожидало ее последнее испытание. Иркутскому гражданскому губернатору было предписано употребить всевозможные меры, чтобы отклонить жен декабристов от их намерения. «Так как ссыльным декабристам было запрещено писать родственникам, то надеялись, что этих несчастных скоро забудут в России, между тем, как женам невозможно было запретить писать и тем поддерживать родственные отношения». Все помнят в поэме Некрасова надрывающую душу сцену объяснения губернатора с княгиней Трубецкой:

Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам, —

говорит в конце объяснения губернатор. Этот строгий приказ был опубликован лишь в самое последнее

время¹⁾. Его стоит привести целиком, чтобы читатель мог сопоставить строфы поэмы с сухими и бесстрастными строками официальной бумаги и представить в своем воображении картину последнего испытания. Предписание было высочайше одобрено и подписано генерал-губернатором Восточной Сибири Лавинским. Вот его текст:

«Из числа преступников, верховным уголовным судом к ссылке в каторжную работу осужденных, отправлены некоторые в Нерчинские горные заводы.

«За сими преступниками могли последовать их жены, не знающие ни местных обстоятельств, ни существующих о ссыльно-каторжных постановлений и не предвидящих, какой, по принятым в Сибири правилам, подвергнут они себя участи, соединясь с мужьями в теперешнем их состоянии.

«Местное начальство неукоснительно обязано вразумить их со всею тщательностью, с каким пожертвованием сопрягается такое их преднамерение, и стараться сколько возможно от оного предотвратить.

«При том легко статья может, что многие из них, имея достаточное состояние, возьмут с собою значительные суммы и драгоценные вещи, ввоз коих в край бедный, населенный людьми буйными и развратными, не обещает добрых последствий и потому не должен быть дозволен.

«Самые крепостные люди, которые могли бы за ними прибыть, не обязаны разделять участи, добровольно господами их принимаемой.

«Сообразив сие и зная, что жены осужденных не иначе могут следовать в Нерчинск, как через Иркутск,

---

¹⁾ В нашей статье «О русских женщинах» Некрасова, в связи с вопросом о юридических правах жен декабристов, в сборнике «К свету» (1904) и в книге «Исторические этюды» Спб., 1913.

я возлагаю на особенное попечение вашего превосходительства употребить все возможные внушения и убеждения к остановлению их в сем городе и к обратному отъезду в Россию.

«Внушения могут состоять в том:

«1) Что, следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они естественно сделаются причастными к их судьбе и потеряют прежнее звание, то-есть будут уже признаваемы не иначе, как женами ссыльно-каторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне.

«2) Что ни денежных сумм, ни вещей многоценных, взять им с собою, коль скоро отправятся в Нерчинский край, дозволено быть не может: ибо сие не только воспрещается существующими правилами, но необходимо и для собственной безопасности их как отправляющихся в места, населенные людьми, на всякие преступления готовыми, и следовательно, могущих подвергнуться при провозе с собою денег и вещей опасным происшествиям.

«3) Что с отбытием их в Нерчинск уничтожаются также и права их на крепостных людей, с ними прибывших.

«С тем вместе должно обратиться к убеждениям, что переезд в осеннее время чрез Байкал чрезвычайно опасен и невозможен, и представить, хотя мнимо, недостаток транспортных казенных судов, безнадёжность таковых, у торгующих людей состоящих, и прочие тому подобные учтывые отклонения; а чтобы успех оных вернее был достигнут, то ваше превосходительство не оставите принять и в самом доме вашем, который, без сомнения, будут они посещать, такие меры, чтобы в частных с ними разговорах находили они утверждение таковых убеждений.

«По исполении сего с надлежащею точностью, если и затем окажутся в числе сих жен некоторые непреклонные в своих намерениях: в таком разе, не препятствуя им в выезде из Иркутска в Нерчинский край переменить совершенно ваше с ними обращение, принять в отношении к ним, как к женам ссыльно-каторжных, тон начальника губернии, соблюдающего строго свои обязанности, и исполнить на самом деле то, что сперва сказано будет в предостережение и вразумление, а именно:

а) Все имеющиеся у них деньги, драгоценные вещи, серебро и прочее, по надлежащем описании лично при них и по утверждении описи собственно-ручным подписанием тех, кому сие имущество принадлежать будет, отобрать от тех и, опечатав, отдать к хранению в Иркутское губернское казначейство. Но меру сию для отклонения всякого сомнения привести в действие чрез нарочитую комиссию, составя оную под председательством вашим из одного или двух членов главного управления и губернского прокурора. Впрочем, прогоны на проезд до Нерчинска выдать им из числа собственных их денег.

б) Из крепостных людей, с ними прибывших, дозволить следовать за каждою токмо по одному человеку, но и то из числа тех, которые добровольно на сие согласятся и дадут или подписки собственноручные, или за неумением грамоте личные показания в полном присутствии губернского правления. Остальным же предоставить возвратиться в Россию и снабдить их пропускными.

«Указав с моей стороны средства, на законных постановлениях основанные, которые служат руководством в действиях по сему предмету, и ожидая от вашего превосходительства исполнения оных в совершенной точности, я надеюсь, что вы и по собствен-

---

ной предусмотрительности своей не оставите употребить всех возможных способов к достижению собственно той цели, чтобы последовавших за осужденными преступниками жен решительно отвести от исполнения их намерения, происшедшего от незнания местных обстоятельств Сибири и постановлений, о сем крае существующих. Но если бы все усилия ваши оказались тщетными, то ваше превосходительство, действуя в отношении к ним по назначению сему, не оставьте немедленно уведомить меня о всех обстоятельствах, к сим женам относящихся, и вообще о мерах, какие вами будут принимаемы.

«Наконец, если бы которая либо из них проехала Иркутск прежде, нежели вы сие получите, в таком разе прошу ваше превосходительство принять на себя труд отправиться лично для возвращения ее в губернский город или приказать остановить в Верхнеудинске, ибо пример оной может побудить и других к домогательствам о равномерном пропуске их в Нерчинск».

Это-то предписание и предстояло привести в исполнение иркутскому губернатору, старику-немцу Цейдлеру. За несколько дней до приезда Волконской в Иркутск ему пришлось применить инструкцию в первый раз к Трубецкой, и он мог убедиться, что при всем желании выполнить волю высшего начальства, это было трудно и даже невозможно. С Волконской дело обошлось легче. «Подумайте же, какие условия вы должны будете подписать», — сказал он и получил в ответ: «я их подпишу не читая».

В объявлении, подписанном Волконской, текстуально приведены три пункта «внушений», а к первому было добавлено разъяснение: «жена, следуя за мужем..., будет признаваема не иначе, как женою ссыльно-каторжного, и с тем вместе принимает на себя переносить все, что такое состояние может

иметь тягостного, ибо даже и начальство не в состоянии будет защищать ее от ежечасных, могущих быть оскорблений от людей самого развращенного, презрительного класса, которые найдут в том как-будто некоторое право считать жену государственного преступника, несущую равную с ними участь, себе подобною; оскорбления сии могут быть даже насильственные. Закоренелым злодеям не страшны наказания». Какая предупредительность и заботливость, подумаешь!

Подписка была дана, и Волконская стремительно направляется дальше, через Байкал, Верхнеудинск, на перекладных, в Большой Нерчинский завод. Здесь она встретила с Трубецкой. Муж в это время был в 12 верстах, в Благодатском руднике. Начальник рудников Бурнашев предложил подписать еще одно обязательство. Центральный пункт его—воспрещение брачных сношений. Жена могла видеть мужа не больше двух раз в неделю, не иначе как в арестантской палате, где указано будет, в назначенное для того время и в присутствии дежурного офицера. Кроме этого пункта, Волконской пред'явили целый ряд других требований. Волконская была поражена. С горечью пишет она: «Итак, государственные преступники должны выносить всю суровость законов, как простые каторжники, но им не разрешается семейная жизнь, даруемая величайшим преступникам и злодеям. Я видала, как последние возвращались к себе по окончании работы, занимались собственными делами, выходили из тюрьмы; лишь после повторения преступления на них надевали кандалы и заключали в тюрьму, тогда как наши мужья были заперты в тюрьме и в кандалах с первого дня приезда сюда». Бурнашев предложил Волконской ехать в Благодатский рудник на другой же день.

Свершилось долго жданное: «Бурнашев предложил мне войти. В первую минуту я ничего не видела, так там было темно; открыли маленькую дверь налево, и я поднялась в отделение мужа. Сергей бросился ко мне; лязг его цепей меня поразил: я не знала, что он был закован в кандалы. Суровость этого наказания дала мне понятие о силе его страданий. Вид его кандалов так взволновал и растрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и поцеловала сначала его кандалы, а потом и его самого. Бурнашев, который за недостатком места не мог войти, а стоял на пороге, остолбенел от изумления при виде моего уважения и восторга к мужу, которому он говорил «ты» и с которым обходился как с каторжником».

8

«Первое время нашего изгнания,—пишет Волконская,—я думала, что оно, наверное, кончится через 5 лет, затем я уверяла себя, что это произойдет через 10 лет, потом через 15 лет, но после 25 лет я перестала ждать. Я просила у Бога только одного: чтобы Он вывел из Сибири моих детей».

Вопрос о юридических правах жен декабристов был окончательно разрешен лишь в 1833 году. Лишение гражданских прав в упомянутом выше предписании рассматривается, как мера внушения; в 1833 году оно было принято, как закон. Ни одна инстанция не решалась карать жен за сочувствие к мужьям, не придавала распространительного толкования предписанию и считала вполне возможным возвращение жен по смерти мужей в Россию. Император Николай Павлович был последователен.

«В заседании 18-го апреля, — читаем мы в журнале комитета министров, — председатель комитета об'явил,

---

что государь император, по рассмотрении заключений комитета министров о правах жен государственных преступников, добровольно последовавших за мужьями в ссылку на каторжную работу, — обращаясь к условиям, на коих сие дозволено было, находить изволил, что в помянутых условиях, именно, предписывалось, что следуя за мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они соделаются причастными их судьбе и потеряют прежнее звание, т.-е. будут признаваемы не иначе, как женами ссыльно-каторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне. За сим, хотя в тех же условиях присовокуплено, что невинная жена, следуя за мужем-преступником в Сибирь, должна оставаться там до его смерти; но правительство, чрез таковую ссылку на общий закон, собственно до обыкновенных уголовных преступников относящийся (устав о ссыльных, § 231), постановляя только, что невинные жены государственных преступников прежде смерти мужей не могут оставлять Сибири, отнюдь не принимало еще на себя неперменной обязанности после смерти их дозволить всем их вдовам возврат в Россию.

«Посему его императорское величество, разделяя представляющийся здесь общий вопрос на два, и именно: 1) о праве состояния и 2) о праве избрания места жительства, в разрешении того и другого полагать изволит:

«1) Что невинные жены государственных преступников, разделяющие супружескую с ними связь согласно прежним повелениям и настоящему заключению комитета министров, до смерти мужей должны быть признаваемы женами ссыльно-каторжных и с сим вместе подвергаться всем личным ограничениям, составляющим необходимое последствие сожития их с преступниками...

«2) Что после смерти государственных преступников жившим с ними невинным женам их, на основании существующих узаконений, хотя и должны быть возвращаемы лично все прежние их права, вместе с предоставлением в непосредственное уже распоряжение их принадлежащих им имений и доходов с оных; но действие всех этих прав имеет ограничиваться одними пределами Сибири, дозволение же вдовам государственных преступников возврата в Россию, безусловно или с известными ограничениями, зависеть будет от особого усмотрения правительства и не иначе каждой из них дано быть может, как с высочайшего разрешения»...

Только по вступлении на престол Александра II 29-го августа 1856 года были дарованы «государственному преступнику Сергею Волконскому и законным детям его, рожденным после приговора над ним, все права потомственного дворянства, только без почетного титула, прежде им носимого, и без прав на прежнее имущество, с дозволением возвратиться с семейством из Сибири и жить, где пожелает в пределах империи, за исключением С.-Петербурга и Москвы, под надзором».

Мы не будем останавливаться на жизни Волконской на каторге и на поселении. Нам пришлось бы пересказывать ее «Записки», написанные живо и трогательно. Неукротимая и боевая натура Волконской не находила успокоения. Жизнь в Сибири была полна ежедневной, ежечасной борьбы за существование мужа и свое. Если декабристы, в конце-концов, добились мало-мальски сносного существования, то этим они обязаны всецело своим женам. Тяжелая жизнь не истребила основной черты характера Волконской — жажды жизни. Когда Волконские были на поселении и жили в Иркутске, она сделала из своего

дома центр общественной жизни в городе; она любила общество и развлечения. Н. А. Белоголовый вспоминает о ней: «говорят она была хороша собой, но, с моей точки зрения, 11-ти-летнего мальчика, она мне не могла казаться иначе, как старушкой, так как ей перешло тогда за 40 лет; помню ее женщиной высокой, стройной, худощавой, с небольшой относительно головой и красивыми, постоянно прищурившимися, глазами. Держала она себя с большим достоинством, говорила медленно и вообще на нас, детей, производила впечатление гордой, сухой, как бы ледяной особы, так что мы всегда несколько стеснялись в ее присутствии».

М. Н. Волконская умерла 10-го августа 1863 года.

Мы знаем, что не одна Волконская последовала за своим мужем, не одна совершила подвиг... Трубецкая, Розен, Давыдова, Нарышкина, Ентальцева, Анненкова, Ивашева, Фонвизина — разделяют славу Волконской. Различны психологические мотивы подвига каждой из них. Для одних, как для Анненковой и Ивашевой, путешествие в Сибирь было подвигом страстной любви, для других (Давыдова, Ентальцева и др.) — подвигом супружеской любви и долга. Фонвизина решилась на подвиг ради самого подвига. Для Волконской он был подвигом «борьбы», чисто органическим и абсолютно чуждым эгоистических соображений. Она совершила его не для себя, не для мужа, а «по-человечеству». Когда ей высказывали удивление по поводу того, как она могла лишиться себя всего, что имела, и все покинуть, чтобы следовать за мужем, она отвечала: «Что же тут удивительного? Пять тысяч женщин делают добровольно то же самое».

„ПАРӨЕНОН“

ВЫШЛО ИЗ ПЕЧАТИ И ПРОДАЕТСЯ:

1. ДОСТОЕВСКИЙ и ПУШКИН — ред. А. Л. Волынського
2. ИНН. АННЕНСКИЙ — Пушкин и Царское Село
3. Н. Ф. ПАВЛОВ — Именины, повесть
4. ЦАРСКОЕ СЕЛО в поэзии, ред. Н. О. Лернера
5. ВЛ. ПЯСТ — Л. А. Мей и его поэзия
6. СОБОЛЕВСКИЙ — друг Пушкина, со статьей В. И. Сантова
7. П. Е. ЩЕГОЛЕВ — Мария Волконская, с фототипией.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

- ЛЕОНАРДО-ДА-ВИНЧИ — сборник, ред. А. Л. Волынського
С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ, академик — Индийская лирика
„ПАРӨЕНОН“ — сборник статей, ред. А. Л. Волынського
Э. Т. А. ГОФМАН очерк Е. М. Браудо
К. Н. ЛЕОНТЬЕВ — автобиография, со статьей П. К. Губера
Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ — Пушкин под тайным надзором
М. С. ЛУНИН — Письма из Сибири, редакция С. Я. Штрайха
А. Л. ВОЛЫНСКИЙ — Что такое идеализм?
КОНСТ. ФЕДИН — Рваное сердце, рассказы
МАРИЭТТА ШАГИНЯН — Литературный дневник
ТЮТЧЕВ — сборник, ред. А. Л. Волынського
А. Л. ВОЛЫНСКИЙ — Ренессанс, статьи по искусству
Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ — Пушкин и А. П. Керн
А. Л. ВОЛЫНСКИЙ — Две интеллигенции

Петербург: Загородный, 23, кв. 57; Троицкая, 15/17, кв. 164